

Пролог

Темнота заключила его в свои объятия — так, как заключают в объятия своего возлюбленного. Видение горящего факела, погасшего несколько секунд назад, плыло перед ним, став сначала желтым, а затем голубым, на мгновение напомнив о тех языках пламени, которые устремились в него с купола собора Святой Софии. Не зная, на кого он может натолкнуться там, внизу, Джон Грант решил сделать своим союзником темноту и подождал, пока перед его глазами не осталось ничего, кроме непроглядной тьмы.

Тишина в подземелье действовала угнетающе. Он задержал дыхание и напряженно вслушался. Тишина давила на него с боков и наваливалась сверху. Он представлял собой угрозу ее владычеству, поскольку мог издать какой-нибудь звук, тем самым разорвав безмолвие. Лишь темнота крепко удерживала и оберегала его.

Он потянулся правой рукой в сторону, пока кончики его пальцев не коснулись прохладной стены туннеля. Затем согнулся, став чем-то похожим на складной нож, сложенный напополам, и сделал один шаг вперед по узкому туннелю. Второй шаг, третий — и остановился.

Вместо камня его пальцы ощутили пустоту. Он, получается, дошел до поворота — поворота направо. Сместившись в сторону настолько, чтобы его пальцы опять коснулись стены, он снова медленно пошел вперед. Иногда его волосы чиркали по неровной поверхности потолка туннеля, и тогда он резко пригибался — как ребенок, пытающийся уклониться от удара.

В левой руке, которой он владел лучше, чем правой, Джон Грант держал нож с изогнутым, как коготь тигра, лезвием. Опыт подсказал ему, что в туннелях орудовать мечом очень неудобно, — это оружие скорее мешает одолеть противника, чем

помогает. Продвигаясь вперед в темноте, юноша не производил ни малейшего шума: очень осторожно нащупывая пол, он как бы парил над ним, а не шел по нему. Дышал он широко раскрытым ртом, но тоже абсолютно бесшумно. Стараясь держать глаза закрытыми, он максимально активизировал свое сознание и отправил его вперед, в простирающуюся перед ним пустоту.

Пройдя с десяток ярдов¹ после поворота, он вдруг резко остановился, повинувшись интуиции, которой доверял. Правда, порой интуиция проявляла себя довольно слабо, но на этот раз подсказала ему, что темнота вокруг теперь какая-то другая — еще недавно вполне спокойная, она вдруг стала неровной и возбужденной. То были своего рода волны зыби, похожие на те, которые образуются, когда в воду бросают камень и она начинает расходиться кругами. Волны накатились на его лицо и грудь, и он почувствовал биение встревоженного сердца.

Здесь, в туннеле, находился кто-то еще. Кто-то такой, кто пытался вести себя очень тихо, но при этом нарушал спокойствие уже одним своим присутствием... Он улыбнулся. Сжимая нож в левой руке, он стремительно протянул вперед правую, и его пальцы, коснувшись мужского лица, ощутили холодный пот и колючую щетину на подбородке. Тишину нарушил звук вдоха: он как бы разорвал ее надвое.

Он сделал шаг вперед и уловил кислотоватый запах чьего-то выдоха. Его рука, державшая нож, пришла в движение сама по себе...

Бородач² неспешно летает кругами в небе над Константинополем. Потоки теплого воздуха устремляются вверх от построенных из белого известняка зданий, нагретых жарким летним солнцем, и хищная птица, удерживаемая в вышине этими потоками, описывает все более широкие круги. Не упуская из виду ни малейшего движения, она внимательно следит за своей тенью — малюсеньким черным крестиком, скользящим по крышам домов.

---

¹ Один ярд приблизительно равен 91,4 см. (Здесь и далее примеч. пер.)

² Бородач — крупная хищная птица.

В тысяче футов¹ ниже ее находится собор Святой Софии, похожий на курицу-наседку, окруженную немощными цыплятами.

Бородача, по-видимому, привлекла форма купола, и он начал снижаться к нему по спирали. По мере того как он приближается к собору, давайте приблизимся к нему и мы.

Под этим куполом, внутри собора, какая-то убитая горем девочка карабкается через балюстраду, окружающую галерею второго этажа. Лучи солнечного света, проникающие внутрь храма через высокие окна, освещают ее стройное тело, так что со стороны кажется, будто она светится. Тень — ее собственная тень, которая в два раза больше самой девочки, — поднимается на расположенной позади нее стене. Ее длинные каштановые волосы блестят, как ядра конского каштана, а по ее высоким скулам текут, оставляя переливающийся след, две слезы.

Ее зовут Ямина, что означает «подходящая», «правильная», и ей двенадцать лет от роду. За цоколем имеются две ступеньки, ведущие вниз. На нижней ступеньке — вторая балюстрада. Эта балюстрада сделана из резного дерева и имеет четыре фута в высоту. Девочка медленно и осторожно забирается на ее верхнюю часть, ширина которой составляет всего лишь четыре дюйма². Разведя руки в стороны, чтобы удержать равновесие, она выпрямляется и устремляет свой взгляд на пространство, простирающееся ниже ступней. Балансируя, она смотрит на склонивших головы людей, которые стоят в ста футах ниже нее и оплакивают смерть ее матери.

Девочка, сама того не осознавая, начинает разглаживать обеими руками тяжелую материю своего платья. Ну да, принцесса ведь должна выглядеть как можно лучше.

Ямина — сирота, но очень скоро — вообще-то, всего лишь через несколько мгновений — она воссоединится с человеком, которого любит больше, чем кого-либо другого на всем белом свете. Ей только нужно решиться сделать смелый шаг — и они снова будут вместе.

---

¹ Один фут приблизительно равен 30,4 см.

² Один дюйм равен 2,54 см.

Хотя ее старательно обучали христианскому вероучению, самоубийство отнюдь не кажется девочке грехом, ведь она хочет оказаться рядом со своей матерью, услышать ее голос и почувствовать приятный запах ее длинных русых волос...

Однако когда настал решающий момент, когда Ямина живо представила себе, как сейчас будет падать с большой высоты на каменный пол, она передумала. Сердце и голова девочки все еще были наполнены удушающим туманом грусти, но сквозь этот туман уже пробился тонюсенький лучик света. Она не смогла толком понять, что это за лучик, но благодаря ему у нее в мозгу наступило некоторое просветление. Ямина осознала, что, несмотря на ее желание оказаться рядом с матерью в потустороннем мире, она совсем не хочет умирать, — точно так же, как не хотела умирать ее мать, оставив своего единственного ребенка одного в этом мире.

Она почувствовала, что страх перед падением на каменные плиты, которые находятся на много десятков футов ниже, оказался сильнее ее горя, захлестнувшего все ее существо. Уставившись на галерею, расположенную как раз напротив, девочка глубоко и шумно вздохнула.

И тут вдруг неожиданно раздавшийся крик какой-то женщины заставил Ямину потерять равновесие и рухнуть вниз. Шумный вздох, донесшийся откуда-то сверху и явно не соответствующий общей обстановке, привлек внимание этой женщины. Взглянув вверх, она увидела, что на балюстраде стоит, балансируя, девочка в роскошном наряде, и невольно вскрикнула, поднеся руку ко рту.

Верующие, вырванные из своих размышлений этим неожиданным возгласом, обратили свой взор на женщину, издавшую его, а затем посмотрели туда, куда в этот момент смотрела она. И поэтому, когда Ямина, размахивая руками, полетела вниз, все внимание уже было обращено на нее.

Принц Константин заметил эту девочку чуть раньше вскрикнувшей женщины. Он занимался тем, что разглядывал парящие в лучах солнечного света пылинки, пытаясь тем самым отвлечься от горестного события (к нему оно не имело прямого отношения, но все же это было горе), когда его внимание вдруг

привлекло какое-то неожиданное движение там, наверху, на галерее.

Он стоял в конце ряда людей, присутствующих на похоронах, и девочка оказалась почти над ним, чуть-чуть правее. Ее довольно странное поведение вызвало у него растерянность, и он, наблюдая, как она нерешительно забирается на балюстраду, ничего не сказал и не предпринял. Все это показалось ему сценой из какого-то сна, в котором невозможно на что-то повлиять.

Но едва раздался испуганный крик женщины и Ямина, потеряв равновесие, полетела вниз, Константин тут же вернулся в реальный мир.

Вместо того чтобы сразу рухнуть, эта девочка как бы подпрыгнула от испуга вверх, а потому ее тело, устремившись в сторону поблескивающего мраморного пола, находилось в строго вертикальном положении. Все собравшиеся ахнули, увидев, как она падает с высоты, размахивая руками. При этом она попала в широкую полосу света и посеребренная ткань ее платья засверкала на солнце. Все, кто стоял внизу, замерли. Сотни пар глаз широко раскрылись от удивления. Время текло так медленно, что секунда казалась целой вечностью.

Все словно окаменели — все, кроме Константина. Он машинально сместился правее, в сторону от остальных людей, чтобы оказаться как раз под падающей девочкой. С запрокинутой головой, с развевающимися волосами, похожими в это мгновение на водоросли в абсолютно спокойном море, она совершала хаотические движения, безуспешно пытаясь найти в пространстве что-нибудь такое, что могло бы замедлить падение. При этом подол ее платья и нижние юбки задрались, обнажив длинные худенькие ноги, которые поневоле были выставлены всем напоказ.

Впоследствии станут говорить, что произошло чудо, что сама Дева Мария протянула руку и спасла этого ребенка. Возможно, ее раздувшееся платье тоже сыграло определенную роль, существенно снизив скорость падения. Однако в конечном счете спасением своей жизни в данной ситуации она была обязана принцу Константину.

Ничуть не думая о том, чем это может закончиться, он протянул свои тонкие руки навстречу летящей девочке, чтобы